

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sábado 5 de marzo de 1983

Буэнос Айрес, суббота 5 марта 1983

Nº 1702

МЫСЛИ ВСЛУХ

АРХИЕПИСКОП ВИТАЛИЙ

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ

ЦАРЬ И ЗАКОН ПАМЯТИ Д.А.ХОМЯКОВА

Если общество, по определению нашего философа и юриста Б. П. Вышеславецца (в его труде “Философская ницета марксизма”, изданном в 1952 г. под псевдонимом Проф. Б. Петрова), является “интегрально-дифференцированным целым”, то всякая попытка изменить этот его характер неумолимо поведет к разложению и смерти общества как такового.

Социализм как раз и проповедует отмену этих обеих общественных характеристик: отмену соборной интеграции путем классовой борьбы и отмену дифференциации путем насильного равенства. В свою очередь, классовая борьба и насильное равенство ведут к искажению и уничтожению права и свободы, без которых не может быть нормально-го общества.

“Совершенство органической жизни, совершенство техники, совершенство культуры определяется наибольшей дифференциацией и наибольшей интеграцией функций (по Лейбницу принцип совершенства есть принцип наибольшего единства наибольшего многообразия). В силу этого прекращение дифференциации не есть идеал, но напротив: смешение, разложение, смерть, прекращение органической и культурной жизни. Превращение общества в недифференцированную массу людей, не знающую разделения труда и расчленения духовных функций и призваний, означало бы смерть культуры”. (Вышеславеццкий труд, стр. 141). Это и есть конечная цель всякого социализма, как это уже после Вышеславецца доказал Шафаревич. Цель социализма в России — смерть русской культуры.

Не лишено известной иронии то обстоятельство, что настоящий смысл латинского слова sequens, от которого через socius произошло societas больше всего сохранился во французском слове obsèques: “На французском языке еще сохраняется немного латинский смысл, потому что obsèques это собораться вокруг умершего, следовать за ним до кладбища”. (Jose Ortega y Gasset, Una interpretación de la Historia Universal, Madrid 1960, pag. 188).

В этом, и только лишь в этом аспекте имеется известное соответствие между коренным смыслом и выводимым измом: социализм действительно аналогичен похоронной процессии. Конечно, и в похоронной процессии, даже социалистической, все же есть дифференциация и неравенство.

И.А.

Прогремела Французская Революция и на всю монархическую и тогда еще в какой-то степени христианскую Европу были выброшены широкими волнами новые мысли о государственном, общественном и даже семейном устройстве народов, которые кратко и впечатлительно для масс, были выражены тремя словами: “свобода, равенство и братство”. Что может быть прекраснее и лучше для общественной жизни как не эти три добродетели?! Однако, возглавители этих прекрасных принципов или забыли или не хотели сказать, что сами эти добродетели без человека не смогут сдвинуть ни на одну йоту никакое общество. Забыли самого главного, как его и по сей день забывают, а именно — человека, этого самого главного мирового двигателя, единственного осуществителя, которому придется, и никому и ничему другому, осуществит в жизни эти идеалы. Мы часто забываем, что как Французская Революция, так и русская были подготовлены целым рядом новых мыслей, но самая из них главная — и это редко кто упоминает и понимает — учением диаметрально противоположным учению Церкви. Во Франции Жан Жак Руссо и все энциклопедисты, а в России Толстой, толстовцы и бесчисленные секты и их последователи незаметно проводили учение о том, что человек сам по себе, по своей природе, добр, хорош и не нуждается ни в каком особом исправлении. А раз это так, то долой Церковь, долой монастыри и монахов, долой посты и молитвы, долой всякий подвиг, и долой царскую и королевскую власть, этих внешних хранителей всех духовных принципов и институций.

Ведь хорошему по существу человеку стоит только предложить хорошую программу жизни, и на земле настанет земной рай.

Но на деле все оказалось сов-

Замечательные брошюры “Православие”, “Самодержавие” и “Народность”, которые теперь переиздаются впервые все вместе, не имели имени своего автора, ибо были изданы без указания его. Оно скрывалось за буквами Д. Х. Вероятно очень немногие знают, что за этими инициалами кроется имя Димитрия Алексеевича Хомякова, сына известного богослова и поэта Алексея Степановича Хомякова.

сем не так. По всей Франции заступали ножи гильотин, тюрьмы переполнились, а Россия заплатила за революцию шестидесятью миллионами своих сынов и дочерей... и продолжает еще платить. Открылся человек во всей своей уродливой нравственной наготе. Оказалось, что человек по своей природе совсем не добр и нуждается в глубоком коренном исправлении, перерождении, иначе он испортит самые лучшие идеи, погубит наилучшие идеалы.

И вот в эпоху царствования императора Николая Первого, замечательного русского царя и хозяина земли русской, столь оклеветанного либеральной и легкомысленной нашей интеллигенцией, Россия выработала не хлесткие пропагандные слова, а тот земной порядок, при котором лучше всего помочь человеку самому сделаться лучшим, дабы действительно, не ложно, осуществить на земле истинную свободу, истинное равенство и истинное братство во Христе.

Мы предлагаем русскому православному читателю это произведение Д. А. Хомякова и просим его внимательно прочесть и усвоить в сердце своем.

Эти мысли могут послужить для будущего возрождения русского православного государства, без которого немислимо возрождение и всего мира.

АРХИЕПИСКОП ВИТАЛИЙ

Вышла из печати и поступила в продажу книга
Д. А. ХОМЯКОВА

ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ И НАРОДНОСТЬ.

Первое издание за границей.

(В России, до революции, была издана в 1904, 1905 и 1907 годах)

Цена: 12 ам. долларов

Издание Братства преп. Иова Почаевского в Монреале

“Monastery Press”, 8011 Champagneur Ave., Montreal 15, Que.
Canada

Димитрий Алексеевич родился в 1841 г. и рос вместе со своей старшей сестрой Марией, тоже замечательной по своей всесторонней образованности и уму. Они умерли в Москве в 1918 г..

Их отец много времени уделял их воспитанию и образованию. В 1847 г., совершая путешествие в Англию, он взял их с собою. Они были с ним в Оксфорде у Пальмера, в переписке с которым их отец впоследствии высказал так много ценных богословских мыслей.

В 1852 г. умерла жена Алексея Степановича Екатерина Михайловна (сестра поэта Н. М. Языкова) и он стал еще больше времени уделять своим детям, в чем до 1857 г. помогала ему его мать Мария Алексеевна, тоже замечательная по своему благочестию, уму и силе воли женщина.

Смерть отца произошла в 1860 г., когда Димитрию Алексеевичу было 19 лет. В этом раннем возрасте на него легла забота о младших сестрах и брате.

Богатый юноша не поддавался искушению, оказавшегося в его распоряжении большого состояния. Он продолжал развитие своего образования, в большой мере пользуясь оставшейся от отца громадной библиотекой. Вместе с тем укреплялись и его связи и близость с друзьями его отца. Так же как у последнего, у него не было стремления к государственной службе и общественной работе. По этому пути пошел его брат Николай, одно время бывший Председателем Государственной Думы.

Будучи последователем своего отца в его православных и национальных русских взглядах, Димитрий Алексеевич не чуждался западной культуры, имея не мало просвещенных иностранных друзей, особенно в Риме и в Германии. Рим, со своей стороны, интересовался его взглядами. Один католический священник, приехавший к нему и живший в его имении Богучарово, Тульской губернии утонул там в пруду. Другой, аббат Грасиз, написал интересное двухтомное сочинение об А. С. Хомякове и кроме того отдельный том посвятил Димитрию Алексеевичу и переписке с ним.

Печатаемый ныне труд был написан Димитрием Алексеевичем после многих размышлений и разговоров с последними славянофилами, друзьями его отца. Брошюра “Самодержавие” была написана им в Риме, в 1899 г. и дополнена после событий 1904-5 гг.. В 1907 г. она была напечатана в Харькове уже четвертым изданием. В 1907 г. он написал брошюру “Православие”,

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

СТРАННАЯ ПОЗИЦИЯ

В № 1689 "Нашей Страны" Е. Кармазин занял странную позицию: оспаривает совершенно верный совет 3-й эмиграции, пишущим из нее — переходить на местные языки. А почему же им не переходить? На русском языке им предстоит 30-летнее культурное умирание, ибо с Россией у них кроме языка ничего общего нет. Наши истинные проблемы им чужды. Зачем же их насильственно удерживать в русской культуре?

А. Босоволков (США)

О ЧИСТОТЕ ЯЗЫКА

Вот в "Нашей Стране" взялись спорить о чистоте языка, — хорошо. Но почему "путепровод" — "чудо-вишно", а водопровод — нет? Что за "почтограмма"? — просто письмо!

Или Рахманов уверенно велит: "ординарный" — слова нет, только есть "ординарный". Но это два разных слова, существующие уже не меньше столетия. Так и отмечено в 17-томном Академическом словаре: ординарный — не двойной, без подобного второго в составе; ординарный — ничем не выдающийся, заурядный.

Д. Карамышев (Германия)

О ПЕРСПЕКТИВАХ

После ознакомления со статьей "Исторические перспективы" Игоря Андрушкевича ("Н.С." №1694) у меня возник целый ряд вопросов к ее автору.

Опираясь на научные труды профессора истории Ростовцева и английского историка Арнольда Тойнби, Игорь Андрушкевич строит свое умозаключение о том, что духовная культура суть семя, из которого может произрасти могучее

древо исчезнувшего монархического государства. В тяжелый век засилия темных сил хорошо сохранить надежду на возрождение. Мне тоже хотелось бы быть в числе оптимистов, однако этому мешают доводы Ивана Солоневича: "Фактическую сторону русской истории мы знаем очень плохо — в особенности плохо знают ее профессора русской истории. Это происходит по той довольно ясной причине, что именно профессора русской истории рассматривали эту историю с точки зрения западно-европейских шаблонов. Оценка же русской истории с точки зрения этих шаблонов правильна в такой же степени, как если бы мы стали оценивать деятельность Менделеева с точки зрения его голосовых связей. Или: культуру Эллады с точки зрения Империи..." (И. Солоневич "Народная монархия" стр. 23).

Придется, очевидно, согласиться с рельефными доводами Ивана Солоневича. Путь русского народа в мировой истории выдержавшего трехсотлетнее татарское иго и продолжающего выдерживать более полувековое насилие современных сатанистов, народа который твердо сохранил при всех этих испытаниях православную веру шином Арнольда Тойнби, или, вернее, его теорией цикличности мировой истории: рождении и отмирании культур, измерить невозможно!

Игорь Андрушкевич метафорически сравнивает духовную культуру или веру народа с желтком яйца — как носителем жизни; национальное искусство — с белком и, наконец, социально-юридическое устройство государства — со скорлупой.

В современном мире, к великому несчастью, существует целый ряд государств с атеистическим мировоззрением. Могли ли они возникнуть только благодаря пропагандному искусству белку и полицейско-карательному режиму (скорлупе) не облада никаким носителем жизни т. е. желтком? Игорь Андрушкевич не коснулся этого вопроса, но идя по следам его метафоры можно полагать, что атеистическое государство подобно яйцу гадины, зародыш которого — яд атеизма.

И, как ни странно, ядовитое племя наших врагов знало и знает наши "исторические перспективы" яснее нас самих. Умри, но лучше, чем Иван Солоневич об этом не напишешь: "Меня, монархиста, можно бы попрекнуть голой выдумкой. Однако, выдумка эта принадлежит Льву Троцкому:

"Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг "Кулацкого Царя", — мы не удержались бы и двух недель". "Белогвардейцы", то-есть, в данном случае правившие слои всех Белых армий, этого, лозунга выбросить действительно не догадались". (И. Солоневич "Народная монархия" стр. 33).

Не хуже Троцкого знал возможности наших "исторических перспектив" и Лазарь Моисеевич Каганович. Он был во главе организации искусственного голода и насильственной коллективизации погубивших около десяти миллионов русских крестьян.

Могучий дуб русского монархического государства был срублен... Корчевали его корни, но не выкорчевали и до сей поры. Однако и сейчас еще продолжают глушить его колхозной барщиной, крепостническими трудоднями и "законами" не позволяющими колхозному рабу ме-

нять место своей работы.

И глядя на всю эту новоявленную крепостническую действительность, думается: а не лучше было бы нам, вместо того, чтобы заниматься философскими размышлениями об исторических перспективах, взять бы, да и написать протест в международную организацию по защите прав человека о том, что "законами" колхозной системы эти права грубо нарушаются!

В русскоязычных изданиях на Западе порой можно встретить самолюбленные оценки, что мы де "единственные" из всего издающегося за рубежом... Однако, до сих пор ни один орган русской национальной печати (ни самый "обыкновенный", ни даже "единственный") и пальцем не щевельнули, чтобы написать этот протест. А надо бы: потому что бывшие члены компартии из третьей волны за нас его не напишут.

Вместо красивых декламационных фраз, что мы де "вернем монарха" украшенных "густым частоклодом восклицательных знаков" (И. Солоневич) нам надо бы сделать что-то более практическое по спасению еще живого монархического корня — крестьянства и казачества. В этом корне — реальные перспективы монархии.

Анатолий Бор (Аргентина)

О МОГИЛЕ КОРНИЛОВА

Я жила в Краснодаре. Училась в средней школе № 39. Как-то весной, кто-то из учеников предложил:

— Поедемте на могилу Корнилова!

О существовании этой могилы мы знали, но никогда на ней не были. С предложением все согласились. Пешком мы дошли до кооперативного рынка и там сели на автобус, идущий до станции Елизаветинки. Руководила этим походом моя подруга Мира. Не доезжая до Елизаветинки, попросили водителя автобуса остановиться, вышли, побежали к могиле. Она недалеко от дороги, но с дороги ее не видно, так как она в небольшом углублении. На могиле были цветы, у дуба стоял какой-то мужчина. Он поздоровался с нами. Мы окружили могилу, постояли возле нее. Кто-то нарвал полевых цветов, мы положили их рядом с только что положенными, видимо, стоящим у дуба мужчиной, розами. Потом сплели венок и водрузили его на крест. Крест невысокий, но очень красивый из черного мрамора с прожилками.

Потом мы спустились по крутому, почти отвесному берегу вниз к Кубани и после купанья опять вернулись к могиле.

Рядом с могилой генерала еще какая-то могила, без креста. Вместо креста столбик с биркой из железа. Кажется в ней похоронены солдаты — двое или трое. Точно не помню.

Все это я пишу вам в газету потому, что в "Нашей Стране" одни утверждают, что такая могила есть и сохранилась, другие пишут, что этого не может быть. Такая могила есть, она сохранена, находится в хорошем состоянии, а крест на ней из черного мрамора. Я повторю: из черного мрамора чудеснейшей работы. Кубанцы говорят, что установили его сам генерал Деникин.

И.Клетцель (Германия)

Политический Калейдоскоп

Известный музыкант Артур Рубинштейн завещал, чтобы после смерти тело его было сожжено и прах был бы рассеян в парке, носшем его имя в Иерусалиме. Как известно, еврейская религия, также как и христианская, запрещает сожжение тел умерших. Государство Израиль, в отличие от государств именующих себя христианскими, запрещает в свою очередь нарушение религиозных предписаний господствующей в стране религии. Поэтому, израильские государственные власти не допустили исполнения этой посмертной воли великого музыканта. Ввиду чего, семья решила похоронить его останки на одном кладбище вблизи Женевы, где он долго жил. В иерусалимском же парке "Артур Рубинштейн" будет воздвигнут памятник в его честь. Воздвигнут памятник в его честь.

Как об этом уже писали газеты, в конце прошлого года в Израиле произошел своего рода взрыв старой вражды между евреями "ашкенази" и евреями "сефаради".

После того как полиция смертельно ранила одного жителя южной части Тель Авива, когда он пытался сопротивляться сношению нелегально выстроенной им пристройки к своему жилищу, его соседи "сефарадиты" организовали демонстрацию против полиции и против "иерархии ашкенази".

Во время последовавших беспорядков, были уничтожены сотни автомобилей и на стенах намалеваны лозунги против "ашкенази", и даже нарисованы на некоторых зданиях свастики, и в том числе и на одной синагоге.

Сефаради — это евреи испанского происхождения, или же евреи практикующие обычай испанских евреев, в то время как ашкенази — это главным образом евреи центрально-европейского происхождения. Расхождения между этими двумя бытовыми группами евреев были одной из центральных тем во время выборов в 1981 году, когда сефаради — сторонники Менахэма Бегина — неоднократно срывали силой предвыборные собрания партии лейбористов.

Каждая из этих двух групп имеет собственного Великого раввина, причем Великий раввин сефаради носит титул "пегово в Израиле" человека. В своем большинстве сефаради более ортодоксального направления в религиозном отношении, хотя эти понятия нельзя смешивать. Однако, некоторые из них настроены враждебно не только по отношению к государственной, политической и профсоюзной бюрократии, главным образом состоящей из евреев ашкенази, но также и против некоторых учреждений самого Израиля. В том числе иногда и против "иврита", считая этот "новоеврейский" язык искажением древне-еврейского библейского языка, и даже против применения демократии в Израиле, считая ее нарушением Моисеева законодательства, запрещающего "следовать за большинством на зло" и "отступать по большинству от правды" (Исход, 23,2).

П. Н.

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ

паметив ее Римом. Последний, в 1908 г., был напечатан труд "Народность". Ближайшим образом Д. Хомяков указывал на сотрудничество Ф. Д. Самарина, И. С. Аксакова и Н. М. Павлова.

Д. А. Хомяков конечно писал и другие статьи, но всегда сохраняя свое инкогнито. Однако в ученых и богословских кругах, особенно в Москве, он был хорошо известен и пользовался большим авторитетом. Не напрасно он был назначен членом Предсоборного Присутствия, но не участвовал ни на одном заседании. Во время Всероссийского Собора 1917 г. не один член Собора приходил к нему для беседы и совета. В частности бывали у него и митрополит Антоний и митрополит Анастасий.

Трудно определить степень влияния Димитрия Алексеевича на русскую богословскую и национальную мысль. Если это влияние не было достаточно сильным, то в большой мере потому что Д. Хомяков ничего не предпринимал для популяризации своих мыслей. Он больше был озабочен тем, чтобы собласти полную точность в выражении мыслей и чтобы мысли эти были православными.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

УМЕР МАСТЕР

В декабре прошлого года, на 56-ом году жизни умер Юрий Павлович Казаков, один из самых лучших мастеров современного русского языка.

Как вероятно помнят наши читатели, его имя всегда упоминалось на страницах "Нашей Страны" наряду с Солоухиным, Распутиным и Вознесенским, когда нужно было сказать, что в России "прорываются" мастера русского языка. В "Нашей Стране" был, в частности, опубликован его рассказ "Кабасы".

В неподписанном предисловии к его книге "Арктур — гонимый пес", о нем сказано так хорошо и точно, что лучше не придумаешь: "Автор этой книги, Ю. П. Казаков, — отличный мастер слова. Его язык богат, точен и поэтичен. Читатели найдут в его рассказах близкое и понятное, то, что они чувствуют, но не умеют сказать. Для этого и существуют поэты — чтобы найти слова, которые ты хотел бы, но не можешь найти. Как и каждый подлинный писатель Юрий Казаков, конечно, поэт. Как у каждого настоящего писателя, его проза имеет свою характерную интонацию, она льется как мелодия. Читать ее надо медленно, может быть, даже вслух. Его рассказы, даже грустные, оставляют ощущение полноты и счастья жизни. Они учат любить жизнь, любить человека".

Достать книги Казакова не всегда было возможно. Они редко поступали в наши, лондонские, магазины. Последний раз я купила его книгу избранных рассказов "Во сне ты горько плакал" в 1978 году, а после этого уже ничего не появлялось. Я думаю многие из наших читателей мало знакомы с его творчеством, поэтому мне хочется привести небольшой отрывок из его рассказа "Тедди".

Медведь выросший в неволе, в цирке, случайно уходит в лес. "Его по привычке держали в клетке, хотя он давно смирился и в клетке не было необходимости... Когда-то, в дни своей молодости, Тедди поднимал страшный звериный бунт... Но приходил человек с бледным лицом, становился возле клетки, смотрел на Тедди, и каждый раз под его взглядом медведь покорно стихал..." Тедди вышел из клетки на железнодорожной станции возле леса. Он не собирался бежать, ему было непривычно и дико в лесу, но в силу нескольких приключений, ему пришлось уйти в чаще далеко на

севере и там он нашел места напоминавшие ему детство и родной дом; и вскоре... "Шуба его приняла отенок ореха, отросла и стала пушистой и блестящей. Лапа больше не болела, и он теперь пускал ее в ход, когда нужно было вывернуть пенек или перевернуть упавшее тяжелое дерево. Он очень много ходил, подгоняемый страшным аппетитом. Но здесь всего было вдоволь, и он часто испытывал наслаждение, чувствуя себя как никогда свободным и сильным. Великая вещь свобода! Можно встать когда хочешь и идти куда глаза глядят! Можно остановиться и долго провожать взглядом пролетающий над рекой караван гусей; можно подняться на холм, открытый всем ветрам; там слышны все запахи — выбери для себя любой, иди туда, куда он зовет тебя! Можно забраться в чашу, где так много сухих деревьев, душистых и изъеденных червем, и, наслаждаясь своей могучей, свободной силой, валить эти деревья — сухие, мертвые, они будут падать с таким жалким треском!"

Какое счастье для русского народа, что в России жил и писал такой высокий мастер русского языка! В его произведениях, при современности сюжетов и языка, нет ни пошлости, ни похабщины, ни подхалимства. И еще замечательно: некоторые его рассказы написаны: "Для детей среднего и старшего возраста". Мало кто теперь заботится о том, чтобы не замарать грубым языком или грубой сценой "детей старшего возраста".

Как-то особенно тепло и радостно описывает Казаков детей, малышей. Вот несколько фраз из его рассказа о прогулке с маленьким, полуторагодовалым сыном: "Но ты почему-то боялся Чифа (собаку), опасливо обходил его, обнимал меня за колено, закидывал назад голову, заглядывал в лицо мне синими, отражающими небо глазами и проносил радостно, нежно, будто вернувшись издалека: "Папа"! И я испытывал какое-то даже болезненное наслаждение от прикосновения твоих маленьких рук".

По красоте и силе слога в описаниях природы многие рассказы Казакова можно сравнить только с одним произведением: описанием пасхальной ночи в рассказе Чехова: "Святою Ночью"! Произведения Ю. Казакова останутся в сокровищнице русской литературы навсегда!

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

ПОМОЩЬ

Проживающий во Франции один из старейших подписчиков "Нашей Страны" Павел Александрович Старицкий передал А. А. Хазову чек в 1000 французских франков "на поддержку газеты и монархического дела". Уже само по себе такое крупное пожертвование является жестом незаурядным, но принимая во внимание, что П. А. Старицкий человек немощный и уж никак не молодой (ему 97 лет!), то редакционная коллегия "Нашей Страны" сочла необходимым послать ему письмо следующего содержания:

"Дорогой и глубокоуважаемый Павел Александрович! Бесконечно тронутые Вашей исключительной жертвенностью мы, члены редакционной коллегии "Нашей Страны", выражаем Вам нашу благодарность, наше восхищение, наше умиление.

Вы не только оказали большую помощь нашему общему делу, сделав такой крупный взнос в Фонд Издательства, но и подали нам яркий пример самоотдачи, самоотверженного служения идеалам.

А такие поступки нам нужны еще больше, чем сама денежная помощь. Они передают "чувство локтя" необходимое, чтоб и нам не ослабевать в нашем собственном служении России.

Да хранит Вас Господь!

Мы горды, что такой человек, как Вы, называет "Нашу Страну" — "нашей газетой".

ПЕЧАТЬ

ЦВЕТА РАДУГИ

Как ни курьезно, в белой эмиграции белая пресса в загоне и, похоже, скоро превратится в черную, уйдя в подполье. Кроме нашей газеты, у которой этого цвета не отнимешь — один-два найдутся органа печати, каковые с грехом пополам можно считать за белые.

Красная в Зарубежи не прививается, и живет лишь пока ей даются советские субсидии; а даются-то почему-то скупо (по причине явной бесполезности?). Правда, за последнее время расцвела пресса розовая, нескольких оттенков; ярко-розовый "Синтаксис" и бледно-розовый (но розовеющий) "Континент".

Особое дело криптосовпатриоты, к примеру "Свободное Слово": ядовитые красные стручки в белой коже (или обложке) или алые с белыми пятнами мухоморы.

Больше же всего разрастается, как густой бурьян, желтая пресса. Ее легко признать по неперемому наличию в названии прилагательного "русский" ("русское", "русская"). Сие слово тут им потребно оттого, что иначе их бы никто не принимал за русскую прессу. Впрочем, "Новый Американец", скажем, к этой же категории принадлежит; но его и вовсе вопрос, допустимо ли к русской печати причислять?

ПРИДИРКИ И ПРОМАХИ

Теперь запросто бывает в печати, что цитату из Грибоедова припишут Пушкину, а французскую поговорку дадут с неверной орфографией и неправильным переводом. Когда же кто поправит, автор или его друзья восклицают, что де критик проявил удивительную эрудицию и редкостные познания, которых, разумеется, нельзя ждать или требовать от рядовых людей (заметим, что по рассеянности или спешке проскальзывают ошибки и у людей вполне грамотных; но те, как правило, на поправки не обижаются). Так что мол смешно к подобным промахам и придираются.

Это весьма не умно. Элементарные знания обязан иметь всякий журналист; а если его образовательный багаж скуден, то должен стараться говорить только о том, что понимает, а неизвестного и недоступного ему не касаться.

Кроме того, эмигрантская публика состоит в значительной мере из лиц вполне культурных. Не будем судить о подсоветской (в ней, однако, несомненно, тоже есть образованные читатели; что мы видим из статей и писем, приходящих оттуда). Но мы-то пишем все, в первую очередь и главным образом, для эмиграции. Следовательно, нельзя писать ниже ее уровня!

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ

Об этих последних время от времени в печати подымается спор, часто вызывающий ощущение недоумения. В нем специалисты, перед почтительно удивляющейся публикой, настаивают на необходимости соблюдать размер, ритм,

стилистические особенности и притом смысл подлинника (хотя точность смысла неизбежно страдает при предъявлении высоких формальных требований).

Со своей профессиональной, ремесленной точки зрения, они и правы. Но ведь у читателя-то потребности вовсе иные. Ему что нужно? Он, представитель средней, а то и высшей интеллигенции, слышал имя иностранного поэта, — Райниса, Петефи или Эминеску, допустим, — и хотел бы с его творчеством ознакомиться; а языка не знает, или не может стихи в оригинале достать. Вот он и хочет получить о нем впечатление.

Перевод прозой того не дает; его, кроме опытных специалистов, всякому читать тяжело и скучно. Надо, значит, передать, по возможности хорошими стихами, которые и запомнить можно, мысли и чувства данного поэта. Мелкие неточности, не только в ритме и характере рифм, а даже и в словах (если основной смысл сохранен) никто, помимо профессионалов, не заметит.

Вот почему переводы Жуковского, которые специалисты любят ругать, остаются самыми лучшими и непревзойденными в русской литературе, наряду с таковыми Лермонтова, А. К. Толстого и некоторых других. По ним можно знать Гете или Шиллера, Гейне или Байрона, не читав их в подлиннике. Quod erat demonstrandum.

Жаль, что не все иностранные поэты нашли или хотя бы имеют шанс найти себе таких переводчиков на русский язык!

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ

В "Русской Мысли" от 20 января, давно покойный Г. Адамович (toujours lui!) старается высмеять и унизить любовь между мужчиной и женщиной (зная его характер и биографию, не удивляешься).

Главной базой для издевательства он избирает представление, будто для каждого мужчины есть предназначенная ему единственная подруга, и наоборот; ввиду мол размеров земного шара и его населения, встреча между такими двумя особами являлась бы невозможной.

Легко ответить, с мистической точки зрения (а без таковой вся теория, понятно, рухнет), что, если существует Всеблагой Промысел или некая целенаправленность судьбы, то они уж так устроят, что люди родятся в одной стране или попадут в чужую, хотя бы и на край света: "Суженого конем не объедешь!"

Если же подходить к делу совершенно terre à terre, то еще проще: из числа, более или менее ограниченного, своих знакомых, каждый человек выбирает себе партнера, лучше всех других ему подходящего; вот это и есть предназначенная ему, единственная на земле, личность.

В том и в другом случае, конечно, возможны неудачи; люди могут ошибаться, обстоятельства или их собственная слабость могут им помешать; отчего и часты несчастные браки или люди, оставшиеся в одиночестве. Но это — явление другого порядка, и ирония Адамовича к ним никак не применима.

В.Р.

Е. КАРМАЗИН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" ЗА СОВЕТЫ?

29 октября 1981 г. под грозным заглавием "Без прикрас и без пристрастий" в парижской газете был напечатан обзор "Голоса зарубежья" № 21. Автором обзора был М. Сергеев, о котором в "Русской Мысли" от 14.1.82 г. было сообщено, что это — псевдоним члена редколлегии С. Рафальского (скончавшегося незадолго перед тем).

В этом обзоре М. Сергеев, стремясь беспристрастно раскритиковать мою статью в "Голосе зарубежья", написал, в частности, следующее: "К сожалению, возразить по пунктам Е. Кармазину нет места. Скажем только, что его утверждение о тоталитарности ранней системы Советов — действительности не соответствует. Она была захвачена тоталитаристами, а это не одно и то же". Известно, что С. Рафальский был "февралистом". Но как раз с точки зрения феврализма ранние Советы создали систему "двоевластия", т. е. бессилия Временного правительства. Станным образом, те же Советы явились идеальной системой для коммунистической власти. Комментировать это хоть и есть место, но нет смысла.

Быть может, С. Рафальский и сам понимал нелепость своих возражений. В указанной статье он выступал за найденную Советами систему выборов — многостепенную и производственную. Но ровно через неделю, 5 ноября 1981 г., в отделе "Свободная трибуна" он написал обратное: "Действительность выяснится, когда падет коммюнистатура, и народ — свободным, прямым, равным и тайным голосованием выберет свое будущее". Письма в "Свободной трибуне", как сообщает редакция, "отражают исключительно личные взгляды и мнения их авторов". Мы можем поэтому полагать, что аналогия Советов в отделе "Без пристрастий", явно противоречащая всем взглядам С. Рафальского, была навязана ему редакцией "Русской Мысли".

+ +

В иных случаях мы не можем с такой же ясностью отделить взгляды М. Сергеева от идей редакции. Приведем поэтому некоторые его высказывания под солидарной их ответственностью. В номере от 29.1.81 г. М. Сергеев пишет о Февральской революции: "И все же в 1917 г. они продержались девять месяцев. Если корабль — без руля и без ветрил — плыл столько времени к своей гавани, пока его не захватили международные пираты — это лучшее доказательство того, что демократия в Российском государстве была возможна. И стало бы, чего доброго, лучшей в мире. Увы, мы можем биться об заклад с "Русской Мыслью", что корабль, плывущий без руля и ветрил, обязательно станет добычей пиратов. Точно также анархия 1917 г. стать демократией никак не могла. И наконец, в "Русской Мысли", кажется, и с арифметикой неладно? От Февраля до Октября ведь только восемь месяцев, не девять...

Самовлюбленной "Русской Мысли", очевидно, не давали покоя лавры академика Лысенко, и она решила срочно сделать открытие в биологии. В номере от 15.1.81 г. М. Сергеев уверяет, что "из стаи белых лебедей можно, имея время и терпение, получить стаю черных". Этот лысенкоизм ему понадобился для внушения читателям, что советской власти удалось произвести в России "перерождение народа, биологический отбор наоборот" — в сторону бесчеловечности и рабства. Оставив пока лысенковщину в стороне, отметим, что "Русская Мысль", полагая Советскую власть сильнее Создателя, переходит тут на позиции атеизма (что, может быть для этой газеты — не беда), но также противоречит Декларации независимости США, возводящей к Создателю неотъемлемые стремления человека к свободе и счастью (это представляет особый интерес для неназванного начальства газеты). С нашей же стороны добавим, что русская классическая литература неукротимо и беспрестанно воспитывает в человеке честь, совесть и стремление к свободе.

Но самое страшное в этой безумной теории "Русской Мысли" — что из нее роковым образом вытекает требование нового "биологического отбора наоборот" уже после Советской власти (по-русски это называется — тотальный террор). Но мы надеемся, что с помощью Создателя парижской газете будут внушены более разумные мысли.

Е. КАРМАЗИН

Из редакционной почты

О МАЛОМ ОБЪЕМЕ И БОЛЬШОМ ЗНАЧЕНИИ

"... "Наша Страна" пишет о том, что у меня в крови. Лучшей газеты нет. Но дело в том, что "Наша Страна" малообъемна в связи с чем ее информация очень мала. И тут надо перевернуть тонны словесной руды, чтобы выискать из нее те крупинки, которые определяют и направляют ход истории. В этом отношении редакционная коллегия "Н. С." на большой высоте. И это делает маленькую по объему газету равной с большими..."

Языковые
Уродства

ВЕРН И СКОТТ

Казалось бы, закономерно эти имена склонять: Жюль Верна, Вальтера Скотта? Пуристы и педанты в СССР того и требуют; и ярятся, встречая сопротивление.

Ан нет: в быту все мы говорим, — и, тем более, на каждом шагу слышим: романы Жюль Верна, книги Вальтер Скотта.

А когда пишешь, — усилие над собою нужно сделать, чтобы из-под пера вышло творчество Скотта или мировоззрение В. Скотта. И уж сочинения Верна, — просто и немислимо поставить (и я никогда такого в печати не видел; а вы, читатель?).

Наоборот, жюльверновские ситуации, вальтерскоттовская поэтичность, — так и рвутся на свободу, в устной и письменной речи!

В чем дело?

Да в том, что язык живет по своим законам и цепко держится за свои причуды и привычки; страх как неблагоприятна роль филистера от грамматиксы, пытающегося его согнуть в дугу и опрокинуть на прокрустово ложе!

Подсознательная же и глубинная логика нашего не только могучего и свободного, но и подчас капризного языка была, очевидно, сначала та, что он сам короткое имена воспринимал как неразложимое целое; а раз их полюбил и к ним приучившись, — менять обычай ни за что не хочет.

Так уж, самое лучшее, не будем с ним бороться! Вот и критики, журналисты и прочий наш брат, литераторы (примеров, — пожалуй, ста, десятки, хоть сотни!): пробуют, по долгу службы, употреблять казенное Вальтера Скотта, Жюль Верна, — и все время соскальзывают на Вальтер Скотта, Жюль Верна.

Любопытно бы проследить, имена каких еще авторов подчиняются данной, — народной (несмотря на то, что она, главным образом, ограничена интеллигентской средой!), а не схоластической, — речевой структуре?

К примеру, некогда модный французский романист Поль де Коке явно попал в ту же категорию: о нем всегда упоминают как о Поль де Коке, а не о Поле де Коке. Эпизодически встречаются и другие случаи.

Исследовать вопрос без пристрастия и, в первую очередь, без мертвящего ученого, гелертерского формализма представляло бы собою весьма полезную задачу.

Аркадий Рахманов

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИИздатель М. Б. Киреев
Редактирует Редакционный
Коллегиум
Тел. редакции 52-7426

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,80 немецких марок; Италия — 900 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 4,40 франков; Чили — 30 песо. Все остальные страны — 0,80 долларов США. Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 15.000 песо; Франция — 4 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов.

"Моней ордер" и чеки должны быть выписаны на имя издателя (Miguel Kireeff), с местом уплаты в США или в Европе и посланы по следующему адресу:

Sr. Miguel Kireeff
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires — ArgentinaПРЕДСТАВИТЕЛИ
"НАШЕЙ СТРАНЫ"БРАЗИЛИЯ: LEO RUBANOV
Caixa Postal 8405
SAO PAULO — BrazilФРАНЦИЯ: A. KHASOFF Ing. C.P.C.
8, Av. des Chardonnerets
95120 ERMONT, FranceСША: ANATOLE DENISOFF
11 Wolfe Ave.
SAN RAFAEL, Calif.
94901 — U. S. A.КАНАДА: Mr. B. S. DIMITROV
461 Querbes Ave.
OUTREMONT, Que.
H2V 3W4. CanadaВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ СБОРНИК
СТИХОВ

РУСЬ

Склад издания:

IVAN NIKITINE
160, rue des Ancolies,
4700 Le Passage d'Agen, France

Розыски

Институтку Кушниковского института в Керчи, вывезенную добровольцем в 1920 году в Константинополь, прошу откликнуться.

A. MUNTJAN
9900 Moss Ave. S. S. Md. 20901 USAСТОИМОСТЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ
В "НАШЕЙ СТРАНЕ"

Стоимость объявлений в "Нашей Стране" равняется цене трех номеров газеты за каждый сантиметр в одну колонку, а в валюте той страны откуда идет соответствующий заказ.

В Сан Франциско (США)
"НАШУ СТРАНУ" можно
купить в книжном магазине

"GLOBUS"

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ
И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от С. В. Яунзем — 58,40 ам. долл., от Н. А. Степановой — 58,40 ам. долл., от И. Д. Лугового — 300.000 арг. песо, от В. Г. Яра — 100 нем. марок, от д-ра Е. Анцибор — 1.220.000 арг. песо, от В. Д. — 200.000 арг. песо, от Г. Михайловского — 57,70 ам. долл., от д-ра Г. Смирнова — 58,40 ам. долл..